

RU

Изображение степи в реалистических произведениях А. С. Пушкина

Сторожева А. А.

Аннотация. В статье рассматривается воплощение степного пространства в реалистических произведениях А. С. Пушкина. Целью исследования стало выявление особенностей изображения степи в прозаических произведениях писателя 1830-х годов. Научная новизна состоит в выделении образа степи в ряду других природных образов, а также в выявлении его функций в текстах писателя. Пейзажные зарисовки, связанные со степным пространством, отличаются лаконичностью и стремлением к объективности изображенного. Автор воспринимает степь как временный фон своего путешествия, причем нередко с отрицательной эмоциональной окраской (грусть, тоска, однообразие и т. д.). Созданный Пушкиным мифопоэтический образ степи не идеализируется (что было более характерно для романтического метода), воспроизводя образ степного пространства и характеризуя степные народы, писатель наделяет их отрицательными характеристиками (например, неоднократно в образе степи подчеркиваются дикость Востока и противопоставление его цивилизованной Европе). Полученные результаты показали, что степное пространство выполняет в текстах несколько функций: сюжетно-композиционную, фоновую, эмоциональную и др., чаще его появление в тексте бывает ситуативно, продиктовано сюжетными обстоятельствами повествования.

EN

Depiction of the steppe in the realistic works by A. S. Pushkin

A. A. Storozheva

Abstract. The article considers the embodiment of the steppe space in the works of A. S. Pushkin, in which realism was the predominant method. The aim of the study is to identify the features of the image of the steppe in the 1830s prose works of the writer. The scientific novelty consists in highlighting the image of the steppe among other natural images, as well as in identifying its functions in the writer's texts. Landscape sketches associated with the steppe space are characterized by conciseness and a desire for objectivity of the depicted. The author perceives the steppe as a temporary background of his journey, and often with a negative emotional coloring (sadness, longing, monotony, etc.). The mythopoetic image of the steppe created by Pushkin is not idealized (which was more typical for the romantic method). Reproducing the image of the steppe space and characterizing the steppe peoples, the writer gives them negative traits (for example, the savagery of the East and its opposition to civilized Europe are repeatedly emphasized in the image of the steppe). The results showed that the steppe space performs several functions in epy texts: plot-compositional, background, emotional, etc. Its appearance in the text is often situational, dictated by the plot circumstances of the narrative.

Введение

Актуальность исследования продиктована возрастающим интересом к художественному осмыслению локальных текстов (Андреева, 2024; Молчанова, 2023; Решетова, 2023). Степь как значимый природный ареал с его этническим и культурным многообразием занимает важное место в формировании концепта «русского мира». Анализ функций степного пространства в творчестве Пушкина помогает сформировать понимание о тенденции переосмысления и реалистической репрезентации данного локуса.

Для определения особенностей изображения степи в прозаических произведениях писателя необходимо выполнить ряд задач:

1. Определить значимость концепта «степь» в травелоге Пушкина «Путешествие в Арзрум» и повести «Капитанская дочка».
2. Показать, с помощью каких художественных средств автор воссоздает художественное пространство степи.
3. Определить функцию степного пространства в художественном мире конкретного произведения.

В качестве основных методов исследования используются структурно-тематический, герменевтико-интерпретационный, дистрибутивный (контекстный) методы. Структурно-тематический метод применяется

при подборке текстов, тематически или сюжетно связанных со степным пространством. Герменевтико-интерпретационный метод позволяет установить связь между реалистическими тенденциями в творчестве писателя и изображением степи. Интерпретация степи позволяет определить функциональную значимость данного пространственного образа в художественном тексте. Дистрибутивный анализ помогает установить, с помощью каких художественных средств происходит репрезентация пространства.

Впервые восточная тема, конкретнее – связанное с ней степное пространство, появляется в «Путешествии в Арзрум» (1829-1835). В марте 1829 года писатель без разрешения властей отправился в Грузию, чтобы быть ближе к театру военных действий русско-турецкой войны. Во время поездки он вел путевые заметки, в которых освещал происходящие события. Спустя шесть лет Пушкин объединил воспоминания о путешествии 1829 года и о периоде «южной ссылки» в травелоге «Путешествие в Арзрум», который войдет в состав наиболее репрезентативных текстов путевой русской литературы XIX века. Дополняют «степную» тематику содержательно и функционально значимые фрагменты, прочитываемые в повести «Капитанская дочка», а также выборочно лирические произведения Пушкина разных лет. Таким образом, материалом исследования послужили следующие произведения Пушкина:

- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1977а. Т. 1. Стихотворения, 1813-1820.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1977б. Т. 3. Стихотворения, 1827-1836.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1978. Т. 6. Художественная проза.
- Пушкин А. С. Собрание сочинений: в 10 т. / АН СССР. Ин-т рус. лит. (Пушкин дом); текст проверен и примеч. сост. Б. В. Томашевским. Л.: «Наука» Ленинградское отд., 1979. Т. 10. Письма.

Теоретическую базу данной статьи составили труды исследователей, всесторонне изучавших творчество Пушкина (Лотман, 1995; Тынянов, 1936; Хализев, 1996), рассматривавших жанровые особенности русского травелога (Дыдыкина, 1998; Иванова, 2010; Решетова, 2023), выделивших степное пространство в художественной картине мира писателя (Андреева, 2024; Литовченко, 2005; Пыхтина, 2014), а также обратившихся к частному вопросу об ориентализации пространства в творчестве Пушкина (Алексеев, 2014; Иванова, 2015).

Практическая значимость данного исследования состоит в том, что его результаты можно использовать при изучении ряда филологических дисциплин («История русской литературы», «Анализ и интерпретация художественного текста», «Филологический анализ текста» и т. д.), а также в продолжении филологических разработок подобной направленности.

Обсуждение и результаты

При исследовании текстов, объединенных общим локусом, требуется обращение к области художественного пространства и времени. Д. А. Молчанова полагает, что «художественно освоенный локус может выступать в тексте как хронотопический образ пространства, организуя собой совокупность пространственно-временных условий бытия героя» (2023, с. 5). Данное утверждение справедливо в отношении степного пространства в творчестве Пушкина. Хронотоп травелога «Путешествие в Арзрум» отличает конкретика в отражении времени (1829) и места (маршрут путешествия в Арзрум с точной топонимической атрибуцией). Как отмечают М. В. Беззубикова и Ш. Пиавраи, «топонимы служат созданию в нарративном дискурсе хронотопного колорита – исторического и этнокультурного фона, на котором разворачиваются те или иные события» (2022, с. 118). В данном случае речь идет о походе Пушкина, совершенного в историческом контексте русско-турецкой войны. Вопрос о целях поездки автора в Арзрум поднимает исследователь Г. Н. Антонов. Он утверждает, что классическая интерпретация жанра путешествия не совсем справедлива по отношению к данному травелогу, так как «Пушкин поехал на войну, а не просто в путешествие, целью которого является описание» (Антонов, 2022, с. 115). Свое отношение к дискуссии о «политизированности» произведения писатель высказал в предисловии, о чем подробнее будет сказано далее. Стоит отметить, что «Путешествие» «имеет характер не только путевых записок, но и личного дневника, ежедневных записей» (Гоперхоева, 2021, с. 48), чем обусловлено эмоциональное, индивидуально-авторское отношение к степнякам, прочитываемое в произведении. Этнографическая составляющая в «Путешествии» является важным элементом создания целостного образа степи. Анализ пушкинского травелога в контексте локального текста русской литературы «позволяет более глубоко познать и интерпретировать литературное произведение или историко-культурный процесс в целом» (Решетова, 2023, с. 103).

В повести «Капитанская дочка» образ степи связан в первую очередь с образом Емельяна Пугачева, который воплотил в себе типичные черты степного казака: «Ему не свойственна корысть, мелочность, он по-житейски мудр» (Гуань, 2021, с. 493). Жители юга России исторически тяготели к сохранению своей автономии, поэтому закономерным является происхождение зачинщиков бунта. В повести Пушкин создает реалистические пейзажи, что отразилось в изображении степного пространства. Автор не связывает степь с идеалами свободы, что было присуще представителям романтической школы. «Предельная гармония и простота» (Даренский, 2018, с. 74) пушкинских пейзажей воплотились в образе степи. Он стал частью реального природного ландшафта, а также элементом исторического дискурса. Историософскую направленность «Капитанской дочки» отмечали многие ученые (Даренский, 2018, с. 71-79; Соловьев, 2019, с. 169-187; Горохов, 2023, с. 14-23). Так, степь в повести предстает «сферой, прямо не относящейся к историографии», но при художественной «перекодировке» становится частью описания военных действий (Пономарева, 2011, с. 39).

Степное пространство в травелоге «Путешествие в Арзрум»

«Путешествие в Арзрум» Пушкина появилось на фоне возросшей популярности жанра путешествия в литературе русского сентиментализма и романтизма, обратившегося в том числе к художественному воспроизведению степного текста. Авторы-путешественники обращались к степному пространству в многочисленных путешествиях по Малороссии начала XIX века: «Путешествии в Малороссию» (1803) и «Другом путешествии в Малороссию» (1804) П. И. Шаликова, «Путешествии в полуденную Россию» (1810) В. В. Измайлова, «Письмах из Малороссии» (1832) А. И. Левшина и др. Художники слова описывали степные просторы, очаровывавшие путников своей бескрайней красотой и величавой безбрежностью, а также воссоздавали мифический образ степи в контексте ее славного исторического прошлого. Исследуя эволюцию травелогов, О. А. Дыдыкина утверждает, что в начале XIX в. происходит усиление индивидуального авторского начала в сюжетной структуре путевого повествования: «Организирующим центром повествования является путешественник – одновременно и участник событий, то есть литературный герой, и писатель, облекающий дорожный материал в литературную форму» (1998, с. 16). Вместе с тем текст Пушкина показателен, насколько он отличается от литературно-жанрового окружения, демонстрируя индивидуальный облик травелога на новом этапе его развития, что подчеркивает и образ степного пространства в нем.

В предисловии травелога «Путешествие в Арзрум» поэт, прежде всего, дистанцировался от политических целей своего путешествия, не акцентируя внимание на своей заинтересованности в исходе очередной русско-турецкой войны и, более того, отмечая, что он «человек, не имеющий нужды в покровительстве сильных», а война – не его дело (Пушкин, 1978, с. 430). Тем не менее Ю. Н. Тынянов отмечал, что для Пушкина «характерен взгляд на завоевательные войны 1828-1829 гг. как на дело “правительственное, а не отечественное”» (1936, с. 63). На основании политических обстоятельств, сопровождавших поэта в его реальном «военном вояже», в частности указывая на то, что тот проделал «крюк в двести верст», чтобы лично встретиться с опальным генералом Ермоловым, выступающим против военных действий, исследователь делает вывод, что текст «Путешествия» всё же политизирован. Однако обратим внимание, что сам писатель подчеркивал, что во время встречи с генералом «о правительстве и политике не было ни слова», а сам он прекрасно понимал геополитические цели миссии России на востоке: «Должно, однако ж, надеяться, что приобретение восточного края Черного моря, отрезав черкесов от торговли с Турцией, принудит их с нами сблизиться. Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению»; «Арзрум почитается главным городом в Азиатской Турции. Главная сухопутная торговля между Европой и Востоком производится через Арзрум» (Пушкин, 1978, с. 430).

При изображении степи писатель отказывается от сентименталистского и романтического метода, его стилистический облик имеет другие художественные характеристики. Так, лаконичность пушкинских пейзажей отмечал еще И. А. Лежнев: «Он явно сторонится живописных эффектов, картинных сопоставлений, громкой фразы; он избегает слишком яркой частности, которая могла бы приковать внимание в ущерб целому» (1937, с. 34), – что, действительно, подтверждается отсутствием в тексте пространного описания степных красот и заменой их зарисовками с эмоциональной окраской негативного звучания. «Зеленая равнина» воронежских степей лишь ненадолго оживила поездку путешественника, а затем – «необозримая однообразность степи», вызывающая скуку (Пушкин, 1978, с. 434). М. В. Литовченко отмечает, что в образно-семантический комплекс степи в творчестве Пушкина входит «тема бессмысленных и тоскливых будней» (2005, с. 172). Мифологическое степное пространство в его версии травелога складывается следующим образом: автор воспринимает степь как пространство «азиатское», противопоставленное «европейским» пейзажам: «Переход от Европы к Азии делается час от часу чувствительнее: леса исчезают, холмы сглаживаются, трава густеет и являет большую силу растительности» (Пушкин, 1978, с. 434). Здесь и далее в тексте Пушкин поднимает вопрос об ориентальности художественно воспроизводимых земель, в оценке которых основным критерием становится не собственно «восточность» степного пространства, а его удаленность от «центра цивилизации», то есть Европы. Автор неоднократно подчеркивает просвещенность Европы и дикость восточного мира: «Нынче можно сказать: азиатская бедность, азиатское свинство и проч., но роскошь есть, конечно, принадлежность Европы» (Пушкин, 1978, с. 444); «Влияние роскоши может благоприятствовать их укрощению: самовар был бы важным нововведением» (Пушкин, 1978, с. 445) и т. п.

Народы, населяющие степь, вопреки сентиментальному и романтическому дискурсу, изображены в достаточной степени обыденно, без героического шлейфа: «Дух дикого их рыцарства заметно упал. <...> Зато никогда не пропустят случая напасть на слабый отряд или на беззащитного» (Пушкин, 1978, с. 449); «Осетинцы самое бедное племя из народов, обитающих на Кавказе; женщины их прекрасны и, как слышно, очень благосклонны к путешественникам» (Пушкин, 1978, с. 450) и т. п.

Отметим, как в ироническом контексте реализуется романтический любовный конфликт, возникающий, когда степная красавица влюбляется в иноземного узника/путешественника. Молодая калмычка, «собою очень недурная», предложила писателю традиционный напиток – чай с бараньим жиром и солью, на что повествователь «Путешествия» откликается: «Не думаю, что другая народная кухня могла произвести что-нибудь гаже» (Пушкин, 1978, с. 450). «Калмыцкое кокетство испугало меня; я поскорее выбрался из кибитки и поехал от степной Цирицей» (Пушкин, 1978, с. 450), – так заканчивается «любовное» приключение, связавшее автора-повествователя со степным пространством. Поэтическая параллель с этим случаем прослеживается в стихотворении 1829 года «Калмычка». Автор показал, что лирический герой ненадолго увлекся «дикой красотой» степной девушки, но затем со свойственным лирике 30-х годов поэтическим скепсисом отметил: «Друзья! не все ль одно и то же: / Забыться праздною душой / В блестящей зале, в модной ложе, / Или в кибитке кочевой?» (Пушкин, 1977b, с. 279).

В путевом тексте появляется и традиционный для степного пространства орнитологический образ орла: «Показываются птицы, неведомые в наших лесах» (Пушкин, 1978, с. 440). Птицы представлены как степные стражи: «Орлы сидят на кочках, означающих большую дорогу, как будто на страже, и гордо смотрят на путешественника» (Пушкин, 1978, с. 440). Во второй раз этот образ появляется при описании военной стычки между казаками и турками – орлы названы поэтом «спутниками войск». Хищные птицы отождествлялись с воинственными дружинами еще со времен древнерусской литературы. В данном случае орлы не олицетворяют войско, они лишь сопровождают бой, «с высоты высматривая себе добычу» (Пушкин, 1978, с. 458). Эта деталь свидетельствует о реалистическом методе изображения птицы: орел-падальщик – представитель реальной степной фауны, но в литературе было принято наделять его широким спектром символических значений, «почти исключительно положительных» (Трофимова, 2019, с. 118).

Автор не акцентирует внимание на описании степного пространства, оно воспроизводится как фон в художественном повествовании «Путешествия». Основным пространственным образом здесь являются горы, которые изначально вызывают восхищение: «Дорога наша сделалась живописна. Горы тянулись над нами» (Пушкин, 1978, с. 448); «Я шел пешком и поминутно останавливался, пораженный мрачной прелестью природы» (Пушкин, 1978, с. 448). Однако вскоре и горные пейзажи перестают удивлять автора: «Скоро притупляются впечатления. Едва прошли сутки, и уже рев Терека и его безобразные водопады, уже утесы и пропасти не привлекают моего внимания» (Пушкин, 1978, с. 450). Стоит отметить, что степные равнины, которые Пушкин упоминает лишь в начале своего путешествия, ассоциируются со скукой и однообразием и лишены какого-либо символического смысла: «...дорога довольно однообразная: равнина; по сторонам холмы» (1978, с. 440). Этот образ связан с лирическими произведениями Пушкина разных лет («Монах», 1813; «Воспоминания в Царском селе», 1814; «Я знаю край: там на берега...», 1828; «Стою печален на кладбище», 1834 и т. д.), в которых степь сопровождается эпитетами «мрачная» («пред нами мрачна степь лежит во сне глубоком») (1977а, с. 115); «нагая» («Дубрав не видно – степь нагая / Над морем стелется одна») (1977а, с. 44); «глухая» («Монах один в степи глухой, безвестной», 1813) (1977b, с. 68); «печальная и безбрежная» («В степи мирской, печальной и безбрежной...», 1827) (1977b, с. 37). Это свидетельствует о том, что при описании данного пространства автор следует реалистическому методу – изображает степь такой, какой она предстала перед ним во время путешествия, избегая сентименталистской или романтической идеализации.

Степное пространство в романе «Капитанская дочка»

Образ степи прочитывается и в повести Пушкина «Капитанская дочка» (1836). Степное пространство, прежде всего, имеет сюжетно-композиционное функциональное назначение: именно в степи состоится судьбоносная встреча Петра Гринева с Емельяном Пугачевым. Всё располагало к ней, так как один герой чувствовал себя здесь узником, другой стал освободителем, что положило начало отношениям между Гриневым и Пугачевым. Также с помощью степного пейзажа автор создает эмоциональный фон, который соответствует настроению героя: «Дорожные размышления мои были не очень приятны» (Пушкин, 1978, с. 236). Созерцание степных просторов не вызывает у него никакого внутреннего отклика, он находит картину достаточно скучной и однообразной: «Вокруг меня простирались печальные пустыни, пересеченные холмами и оврагами» (Пушкин, 1978, с. 236).

Отмечаем еще одну функцию образа степи: в романе он является частью исторической реальности – именно здесь обосновались мятежники, готовясь наступать на гарнизон: «По степи, не в далеком расстоянии от крепости, разъезжали человек двадцать верхами» (Пушкин, 1978, с. 269); «вскоре степь усеялась множеством людей, вооруженных копьями и сайдаками» (Пушкин, 1978, с. 270). Разыгравшийся буран сделал путешественников узниками степи: «Я слышал о тамошних метелях и знал, что целые обозы бывали ими занесены», «темное небо смешалось со снежным морем. Все исчезло», «все было мрак и вихрь», «дороги нет, и мгла кругом» (Пушкин, 1978, с. 237). В разбушевавшейся метели Гринев заметил очертания – «или волк, или человек» (Пушкин, 1978, с. 238). Незнакомец взялся сопроводить путников до места ночлега, прекрасно зная местность, которую «изъездил вдоль и поперек», ориентировался по звездам и обладал чутьем, которое позволило ему уловить едва заметный запах дыма из ближайшей деревни. По наблюдению В. Б. Шкловского (1937, с. 53), Пушкин как бы полемизирует с эпитафией к главе «Вожатый», взятым из рекрутской песни. Слова эпитафии («Сторона ль моя, сторонюшка, сторона незнакомая») противопоставлены ответу Пугачева («Сторона мне знакомая, – отвечал дорожный»). Да и сам автор открыто подчеркивает, что «степь не чужбина для Пугачева».

Вожатый Емельян Пугачев был родом из донских казаков, чем объясняется его «природная энергия, ясный ум, живая речь, а также неподдельная веселость и достойная рыцаря расположенность к добрым делам» (Хализев, 1996, с. 146). В. Е. Хализев уверенно отнес фигуру Пугачева к авантюрно-героическому сверхтипу, который был ярко представлен в творчестве Пушкина. Автору импонируют его положительные качества, о чем он пишет в письме Д. В. Давыдову: «Вот мой Пугач: при первом взгляде / Он виден – плут, казак прямой! / В передовом твоём отряде / Урядник был бы он лихой» (Пушкин, 1979, с. 279). Но вместе с тем автор подчеркивает противоречивость его действий: бунт Пугачева отмечен той же жестокостью, против которой направлен, «протест лишь разрушительен, а потому внутренне бесперспективен, авантюристичен» (Пушкин, 1979, с. 280).

Двойственность казачьей природы обозначил в рукописи «Описание Украины» 1630-х годов и французский путешественник-картограф Г. Левассер Де Боплан. А. А. Решетова отмечает: «Огромная страна и разные сферы ее жизни, большей частью закрытые для внимания “извне”, поражая своими масштабами и национальными особенностями, вызывали неподдельный интерес, становясь темой и предметом изображения путевых записок и мемуаров гостей из других государств» (2023, с. 105). Так, Боплан, путешествуя по Украине, записал наблюдения о местном населении: «У них нет ничего грубого, кроме разве что одежды. Они быстроумны и проницательны, весьма остроумны и щедры, не стремятся к большим богатствам, зато больше всего дорожат

своей свободой, без которой не хотели бы жить. Впрочем, эти люди вероломные и коварные, которым довериться можно лишь при благоприятных обстоятельствах» (1987, с. 257). Подобную мысль озвучивает Пугачев в романе Пушкина: «Они воры. Мне должно держать ухо востро; при первой неудаче они свою шею выкупят моею головою» (1978, с. 278). Казаки с их культурой бытования и менталитетом, исторически сложившимися традициями, по неоднократно повторяемым утверждениям историков и философов XIX–XX вв. (Н. А. Бердяева, В. О. Ключевского, С. М. Соловьева и др.), являются историческим порождением степи, ее органической составляющей. По утверждению Ю. Г. Пыхтиной, «полисемантичность образа степного пейзажа позволяет подчеркнуть уникальность и противоречивость русского национального характера» (2014, с. 46).

Степное пространство в романе Пушкина выступает также как реальный фон военных действий, при этом в данном варианте он лишен символического начала, что еще более отдаляет его от сентиментально-романтического восприятия: «...степь, на которой заметно было большое движение» (1978, с. 269), «по всей степи видны были конские следы» (1978, с. 280) и т. д. Е. Д. Андреева отмечает, что степь «маркирует размеры пространства, оттеняющие размах (или наоборот камерность) происходящих на ее фоне событий» (2024, с. 22). Отсутствуют традиционные эпитеты, сопровождавшие образ степи ранее в художественной литературе, например «широкая», «раздольная» и т. д., – степь в «Капитанской дочке» «печальная», «белая», занесенная снегом. Белый цвет является выразительным и контрастным фоном для появления фигуры Пугачева, что дополнительно подчеркивает значимость этого события: «Вдруг увидел я что-то черное <...> через две минуты мы поравнялись с человеком» (Пушкин, 1978, с. 238); «Между ими на белом коне ехал человек в красном кафтане с саблею в руке: это был сам Пугачев» (Пушкин, 1978, с. 270). Степь не наделена автором символическим значением, однако прочитывается, что лихой характер Пугачева обусловлен в том числе и его степным происхождением.

Заключение

Таким образом, проведенное исследование позволило сделать ряд выводов, соответствующих поставленной цели и задачам. Художественная репрезентация степи в реалистической прозе А. С. Пушкина представлена в травелоге «Путешествие в Арзрум» и романе «Капитанская дочка».

Созданный писателем образ степи соответствует реалистическому методу изображения природы. В «Путешествии в Арзрум» воплощается его индивидуально-авторское восприятие; основной задачей Пушкина-реалиста при этом является правдивое изображение действительности, в том числе степного пространства. Степь, представшая перед автором и художественно воспроизведенная им, лишена экзотической красоты, своей «восточной» уникальностью не вызывает эмоционального отклика. Особенности менталитета степного населения скорее отталкивают писателя, чем приводит к подробным описаниям неприглядных деталей быта степного народа, являющихся показателем реалистического метода в воссоздании действительности. При этом отмечается, что связана эта особенность с дихотомией Европы и Востока как противопоставления «цивилизации» и «дикости», которая ярко прослеживается в «Путешествии». В «Капитанской дочке» степное пространство также лишено символического начала и изображается как часть реальной действительности, без четко выраженной положительной или отрицательной оценки.

Эпитеты, характеризующие степное пространство в «Путешествии в Арзрум», имеют скорее негативную коннотацию, ассоциативно связывают степь с «однообразием», «скукой», «пустотой». На первом плане при мифологизации пространства оказывается стремление к объективной исторической действительности, которая воссоздается Пушкиным и в образно-персонажном ряде, и в совокупности художественных деталей. В «Капитанской дочке» степное пространство описывается как данность – один из элементов русского природного ареала. Отсутствует идеализация данного пространства, оно определяется метафорами «печальные пустыни», «снежное море» и т. д. При этом степь напрямую сопряжена с менталитетом народов, с ней связанных, и историческим прошлым, определившим специфику ее мифологизации.

Функция степного пространства в «Путешествии в Арзрум» – фон в художественном повествовании. В романе Пушкина «Капитанская дочка» воспроизведение степного пространства осложняется функциональной многозначностью, так как образ степи, во-первых, является сюжетобразующим элементом, во-вторых, фоном происходящих событий.

В ходе исследования определились перспективы дальнейшего изучения степного пространства в творчестве Пушкина. Материалом могут послужить лирические произведения автора, для которых свойственно романтическое восприятие степи («Кавказский пленник», «Братья разбойники», «Цыганы» и т. д.). С образом степи в произведениях Пушкина связан мотивный комплекс: мотив буйства (буйный нрав степных народов); цыганский мотив; мотив степной стихии; мотив степной могилы и т. д. Данные художественные категории можно рассмотреть в контексте творчества Пушкина или провести сравнительный анализ с произведениями других писателей, для художественного мира которых перечисленные мотивы являются столь же значимыми (Н. В. Гоголь, Я. П. Полонский, А. П. Чехов, М. Горький).

Источники | References

1. Алексеев П. В. Ориентализация пространства в «Путешествии в Арзрум во время похода 1829 года» А. С. Пушкина // Вестник Томского государственного университета. 2014. № 382.
2. Андреева Е. Д. Сходство образов степи в исторических произведениях А. С. Пушкина на основе векторной семантики // Филологические чтения: материалы всероссийской научно-практической конференции с международным участием / под общ. ред. Т. В. Сапун; Оренбург. гос. ун-т. Оренбург: ОГУ, 2024.

3. Антонов Г. Н. «Я проделал кампанию в качестве не то солдата, не то путешественника...». Критика энциклопедической статьи о работе А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум во время похода 1829 года» // Военно-исторический журнал. 2022. № 1.
4. Беззубикова М. В., Пиавраи Ш. Языковые образы в травелоге А. С. Пушкина «Путешествие в Арзрум» // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2022. Т. 28. № 2.
5. Боплан Г. Л. Описание Украины // Чтоб век едины были / сост. Я. Д. Исаевич. М., 1987.
6. Гоперхова Д. Р. Размышления Н. В. Гоголя о путешествии по России на фоне литературных путешествий А. С. Пушкина // Культура и текст. 2021. № 2 (45).
7. Горохов П. А. Патриотизм в мировоззрении А. С. Пушкина: опыт историко-философской реконструкции // Общество: философия, история, культура. 2023. № 1.
8. Гуань Л. Образ Пугачева в произведениях А. С. Пушкина «История пугачевского бунта» и «Капитанская дочка» // Мир науки, культуры, образования. 2021. № 2 (87).
9. Даренский В. Ю. Художественная историософия Пушкина как феномен русского национального самосознания // Гуманитарный вектор. 2018. Т. 3. № 1 (13).
10. Дыдыкина О. А. Эволюция стиля русских литературных путешествий конца XVIII – первой половины XIX века (от Карамзина до Гончарова): дисс. ... к. филол. н. М., 1998.
11. Иванова Н. В. Жанр путевых записок в русской литературе первой трети XIX века: тематика, поэтика: дисс. ... к. филол. н. М., 2010.
12. Иванова Н. П. Отражение взаимосвязи художественной и ментальной эволюции в творчестве А. С. Пушкина (на материале «Путешествия в Арзрум во время похода 1829 года») // Вопросы русской литературы. 2015. № 2.
13. Литовченко М. В. Образ степи в творчестве А. П. Чехова и А. С. Пушкина // Культура и текст. 2005. № 9.
14. Лотман Ю. М. Идеальная структура «Капитанской дочки» // Лотман Ю. М. Пушкин. СПб.: Искусство, 1995.
15. Молчанова Д. А. Мифопоэтика интертекстуальных комплексов (на материале «кавказского текста» русской литературы): дисс. ... к. филол. н. М., 2023.
16. Пономарева М. Г. Характер соотношения художественного и исторического дискурсов в повести А. С. Пушкина «Капитанская дочка» // Пушкинские чтения: материалы научной конференции. СПб., 2011.
17. Пыхтина Ю. Г. Степь как национальный пространственный образ в русской литературе (на материале Оренбургской поэзии) // Global trends of development of ethnic languages in the context of providing international communications/traditions and moderns trends in the process of formation of humanitarian values. L., 2014.
18. Решетова А. А. Травелог как источник исследования локального текста (на материале записок иностранных путешественников XV-XVII веков о Рязани) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2023. № 2 (79).
19. Соловьев В. М. Гуманистическое кредо А. С. Пушкина // Философский полилог: журнал Международного центра изучения русской философии. 2019. № 2 (6).
20. Трофимова Н. В. Образ орла в лирике Я. П. Полонского в свете фольклорной и литературной традиции // Я. П. Полонский: личность, творчество, эпоха: сборник статей по материалам II международной научно-практической конференции / науч. ред. Т. В. Федосеева; отв. ред. А. А. Решетова. Рязань: Ряз. гос. ун-т им. С. А. Есенина, 2019.
21. Тынянов Ю. Н. О «Путешествии в Арзрум» // Пушкин: временник Пушкинской комиссии. М. – Л.: Изд-во АН СССР, 1936. Вып. 2.
22. Хализев В. Е. О типологии персонажей в «Капитанской дочке» А. С. Пушкина. Концепция и смысл. М.: Русская словесность, 1996.
23. Шкловский В. Б. Заметки о прозе Пушкина. М.: Советский писатель, 1937.

Информация об авторах | Author information

Сторожева Анастасия Алексеевна¹

¹ Рязанский государственный университет им. С. А. Есенина

Anastasia Alekseevna Storozheva¹

¹ Ryazan State University named after S. A. Yesenin

¹ a.storozheva06@bk.ru

Информация о статье | About this article

Дата поступления рукописи (received): 12.02.2024; опубликовано online (published online): 22.10.2024.

Ключевые слова (keywords): художественное пространство; степной текст А. С. Пушкина; пространственный образ степи; функция образа степи; artistic space; A. S. Pushkin's steppe text; spatial image of the steppe; function of the steppe image.